

Чу Юй был создан для всего роскошного и изысканного. С точки зрения судьбы, он был окутан аурой дракона. Серебро и красные верёвки не могли удержать его — только тяжёлое золото, древний нефрит, драгоценные камни редкой красоты и шёлк, стоимость которого исчислялась тысячами, подходили ему больше всего.

— Я понял, тебе нравится, когда тебя связывают, да? — Чу Юй наклонился вперёд.

Сун Цзиньчэнь ответил улыбкой, и тогда Чу Юй, освободив одну руку, чтобы опереться на стол, снял свои трусы, свёл их в комок и засунул ему в рот. Чу Юй тоже улыбнулся, его лицо пылало.

— Ты можешь делать со мной всё, что захочешь.

Сказав это, он вдруг смутился, спрыгнул со стола и убежал, колокольчики зазвенели, а между ног сверкнули золотые блики.

Сун Цзиньчэнь смотрел, как он вбежал в спальню напротив, швырнул себя на кровать, выставив за край две голые ноги в белых носках. Те самые чисто-белые хлопковые трусы были ловко сложены несколько раз и, словно носовой платок, заправлены в нагрудный карман мужчины, сохраняя вид респектабельности. Очки он даже не снял, потому что помнил, как тот сказал: «Ты выглядишь красиво».

В главной спальне Чу Юй лежал на кровати, ощупывая своё тело. Не то чтобы это было иллюзией, но из-за частых прикосновений, казалось, он набрал больше мяса, чем раньше, особенно в области ягодиц и груди, что совсем не соответствовало традиционно плоскому и упругому мужскому силуэту.

К счастью, уже наступила осень, иначе как бы он мог носить тонкую одежду? Он вздохнул с облегчением. Сун Цзиньчэнь вошёл, и Чу Юй перевернулся, чтобы подползти к нему на четвереньках.

— Дорогой, перевернись обратно, — голос мужчины, скрытый за стёклами очков, звучал мягко.

Его мягкость всегда заключала в себе элемент сделки, и сейчас, в этом тёплом тоне, скрывалось желание получить больше.

Чу Юй надулся, но перевернулся. Его змеиная талия и округлые бёдра, пухлые ягодицы, похожие на детские щёчки, соблазняли прикоснуться и сжать. Сун Цзиньчэнь сглотнул и резко шлёпнул его. Чу Юй не сопротивлялся, только тихо застонал от боли.

Это была не мольба о пощаде, а приглашение не сдерживаться и использовать самые жестокие методы, чтобы довести его до предела.

Сун Цзиньчэнь приподнял его ягодицы и поцеловал свежий красный след.

— Разве ты не хотел, чтобы тебя связали? — напомнил Чу Юй.

Чуть было не забыл о главном. Сун Цзиньчэнь с сожалением отпустил его, велел лечь, выбрал из ящика длинную мягкую золотую ленту, сложил её вдвое и начал связывать его руки за спиной, перекрещивая их и завязывая узлы.

— Дорогой, придумай слово.

— Какое слово?

— Любое, или даже фразу, — лента обвила его руки, затянулась на груди. Сун Цзиньчэнь проверил, не слишком ли туго, затем обмотал вокруг запястий и потянул, поднимая связанные руки выше поясницы. — Если тебе будет слишком тяжело, скажи это слово, и я остановлюсь.

— Мне не будет тяжело, — ответил Чу Юй. Он умел терпеть. — А если ты сделаешь мне больно, я просто сброшу тебя ногой. — Он также умел быть неожиданным.

Сун Цзиньчэнь закончил связывать. Узел получился аккуратным, без лишнего. Это был классический способ связывания, который давал ощущение ограничения, но не причинял боли.

— Всё же лучше придумай. Потом у тебя может не хватить сил, чтобы сбросить меня.

— Ладно, подумаю, — Чу Юй опустил голову, изучая ленту на груди, пошевелил руками. Его связали не слишком туго, он мог немного двигаться, не рискуя онемением. — Я придумал.

Он поднял голову. Сун Цзиньчэнь жестом предложил ему говорить. Чу Юй улыбнулся:

— Ты что, не поел?

Сун Цзиньчэнь нахмурился:

— Ты уверен, что хочешь использовать это?

— А что, нельзя? — Чу Юй сдержал смех. — Именно это.

Лента идеально подчёркивала форму его груди. Руки были скрещены за спиной, и, если смотреть спереди, казалось, что у него нет рук, как у Венеры Милосской, что создавало странную красоту. Он лежал на одеяле, пошевелился, осознавая, насколько он теперь беспомощен, и это вызывало в нём нетерпение.

— И что дальше? — спросил он.

Сун Цзиньчэнь аккуратно закатал рукава рубашки до предплечий:

— Сначала разогреемся, хорошо?

— Как разогреемся?

— Вот так... — Сун Цзиньчэнь протянул руки, взял его за плечи, ладони скользнули к подмышкам.

Чу Юй заёрзал от щекотки. Руки скользнули к бокам, и он начал смеяться. Ловкие пальцы то легонько, то сильнее щекотали его. Чу Юй не мог остановиться, не мог оттолкнуть руки. Колокольчики звенели, слёзы наворачивались на глаза, но Сун Цзиньчэнь не останавливался. Пришлось отпихнуть его ногой.

— Я... я не это имел в виду, — запыхавшись, объяснил Чу Юй.

Он смеялся так, будто все поры его тела раскрылись, это было снятием напряжения. Он не хотел, чтобы Сун Цзиньчэнь остановился, поэтому убрал ногу.

Но Сун Цзиньчэнь схватил его за ногу и стянул носок. Чу Юй, когда волновался, начинал потеть. Его кожа нагревалась, и аромат геля для душа становился сладким, как будто он вдыхал кусочек сладкого сыра.

Один и тот же продукт, но на нём он пах особенно приятно. Сун Цзиньчэнь наклонился, чтобы взять в рот его пальцы ног. Цепочка с тёмно-розовым камнем соскользнула чуть ниже, прекрасно сочетаясь с розовыми пальцами.

Чу Юй извивался от щекотки, но больше всего хотел, чтобы его поцеловали в губы. Сун Цзиньчэнь, казалось, почувствовал его желание, и поцелуи начали подниматься выше. Разминка не предполагала прикосновений к его члену, но в паху уже скопилась лёгкая испарина. Сун Цзиньчэнь раздвинул его ноги и поцеловал его вздымающийся живот.

Колокольчики слегка позвякивали, перекатываясь с одного участка кожи на другой.

Чу Юя подняли за ленту на груди. Его бёдра плотно прижались к одеялу, между ног выпирала и втягивалась промежность, прижимаясь к простыне под тяжестью тела. Он чувствовал, как липкая и тёплая жидкость медленно вытекает из него, пропитывая каждую складку ткани. Язык Сун Цзиньчэня играл с его желанием, и он не мог удержаться, чтобы не двигать бёдрами, пытаясь облегчить пустоту всем, что находилось под ним.

— Ах... — ресницы Чу Юя намокли, он тяжело дышал. — Не могу больше, зайди уже.

— Не торопись, — Сун Цзиньчэнь положил его обратно. — Мы только начали.

— Мне всё равно! — Чу Юй начал извиваться, поднимая и опуская грудь. — Я больше не хочу играть, я хочу сейчас... Что ты делаешь!

— Тссс.

Его губы были успокоены лёгким поцелуем. Чу Юй, как птенец, раскрыл рот, но поцелуй ушёл, переместившись к груди, где соски были высосаны до опухшего состояния. Колокольчики звенели, и жидкость начала сочиться. Его член был взят в горячий рот, язык играл с ним, и он не мог сдержать предэякулят.

Сун Цзиньчэнь, в очках, жёсткая оправа иногда царапала его живот. Чу Юй смутно смотрел на лицо между своих ног, и вдруг ему показалось, что это кто-то другой делает ему минет, пока Сун Цзиньчэнь не поднял голову, выпустив его головку изо рта с лёгким звуком, и резко укусил мягкую плоть над клитором. Его язык, казалось, был покрыт шипами, и каждая лизанная область казалась слегка разорванной, вызывая невыносимый зуд.

— Хочешь кончить? — Чу Юй услышал его голос и понял, что это всё тот же человек.

Он кивнул, потом покачал головой. Колокольчики звенели слишком громко, и он заплакал:

— Хочу... но не могу...

Сун Цзиньчэнь улыбнулся. В каждой морщинке вокруг глаз читалась злорадность. Он любил видеть Чу Юя беспомощным, любил приходить на помощь в самый последний момент.

— Помоги мне... — Чу Юй широко раздвинул ноги, показывая, как он несчастен.

Два набухших органа, любой из них был готов.

Сун Цзиньчэнь улыбался, явно злорадствуя. Он не боялся показать, какой он плохой, и это делало его привлекательным. Он нанёс на пальцы густую смазку, раздвинул ягодицы Чу Юя и легко вошёл — Чу Юй явно подготовился, всё было чисто.

Он знал это тело, где были изгибы, где было более чувствительно.

Чу Юй долго застонал. Его живот глубоко втянулся, а затем грудь начала сильно подниматься:

— Ах... ах... да...

Его простата была вытеснена яичками в более поверхностное положение, и её было легко стимулировать. Удовольствие, как извержение вулкана, тайно поднималось от копчика к мозгу, и после мгновенной пустоты густая белая жидкость выплеснулась на лицо мужчины.

Сперма застыла на черепаховой оправе очков, медленно стекая вниз.

<http://bllate.org/book/15448/1370489>